

Лин Яровой

Забытые

История не помнит вторых

16+

Лин Яровой

Забутые

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Лин Яровой

Забытые / Лин Яровой — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Меня зовут Нил. И я не буду первым. Не стану героем, сделавшим огромный шаг для всего человечества. В честь меня не будут называть сыновей. Потому что наш корабль отстал. Безнадёжно отстал. Девять поколений сменилось на "Ермаке". Девять капитанов вели его к далёкой планете Орум на протяжении четверти тысячелетия. Но мы вышли с Земли слишком поздно и, задержавшись на сорок лет, навеки упустили наших соперников. "Армстронг" летит впереди. Каждый день мы сокращаем разрыв на миллионы километров, но этого всё ещё недостаточно. Если экипаж "Армстронга" не ошибётся, мы прибудем на Орум вторыми. И растворимся в забвении. Ведь история вторых не помнит. Но что, если нам вдруг поможет сам космос?

Лин Яровой

Забытые

Посвящается Лиде

Титов. Олдрин. Уайт.

История стёрла их имена. История не помнит вторых.

Та же участь постигнет и нас – жителей «Ермака». Пройдут годы, столетия, и растворится память о девяти поколениях, умиравших под металлическим небом. Погаснет в чёрном молчании космоса легенда о девяти капитанах – тех, кто на протяжении веков вёл межзвёздный ковчег к далёкой планете Орум.

Время убьёт каждого из нас. Не пощадит даже самых великих.

Никто не вспомнит Ивана Крестова – моего учителя, первосвященника и хранителя преданий материнской цивилизации. Не вспомнят Рыбакова Андрея – гениального астрофизика и главного инженера ковчега. Не вспомнят его брата Петра и не вспомнят Иосифа – лучшего из пилотов и последнего капитана «Ермака». Моего отчима.

Не вспомнят мою мать Марию, умершую при родах. И даже создателя нашего мира – Михаила-Творца, от чьего семени я был непорочно зачат.

Что там говорить: никто не вспомнит и обо мне – избранном сыне, которого экипаж по иронии судьбы назвал Нилом.

Все мы будем забыты. Теперь это ясно даже такому далёкому от физики человеку, как я. Расчёт и замысел оказались неверными. «Ермак» не догонит «Армстронг». Наш ковчег вышел с Земли на сорок лет позже, и с тех пор каждый день сокращает разрыв на миллионы километров, но этого всё ещё недостаточно. Шестнадцати лет, оставшихся до окончания миссии, слишком мало, чтобы угнаться.

Мы сойдём на Орум вторыми.

И никто не запомнит нас.

Я думал об этом каждое утро, просыпаясь в белой просторной каюте. Смотрел на звёздные карты, мерцающие голограммами под потолком, и следил за тем, как красная точка, помеченная буквой «А», всё ближе подбирается к Облаку смерти, за которой скрывалась экзопланета.

«Облако... – думал я. – Единственная наша надежда. Последний козырь, припрятанный самой вселенной на подходах к звёздной системе».

В глубине души я мечтал, что этот козырь сыграет. И каждый раз, когда об этом размышлял, чувствовал укол совести. Слышал в голове голос учителя:

«Не желай зла, маленький Нил, – говорил Крестов, когда был ещё жив. – Вся история, все предания и все заповеди Земли, чьё знамя мы гордо несём сквозь космос, – все они на самом деле лишь об одном. Люби другого... Люби, даже если ради этого придётся пожертвовать мечтой».

Я знал, что учитель прав. Понимал, о каких заповедях он говорит. Ведь с самого рождения я только и делал, что впитывал в себя всю историю материнской цивилизации, всю её культуру, предания, произведения искусства, философские труды и религиозные сочинения. После смерти Крестова, я остался единственным человеком на «Ермаке», который помнил, с чего начиналась Земля.

И всё же слишком трудно совладать с гордыней, когда ты – семнадцатилетний мальчишка и член капитанской семьи, которому с самого детства твердили об избранности. Особенно, когда знаешь, что именно ты – хранитель Ключа, тот самый сын, что однажды закончит вели-

кую экспедицию «Ермака» и первым ступит на твердую землю впервые за двести пятьдесят с лишним лет.

«Уймись, Нил. Уймись. Сатана гордился, с неба свалился. Фараон гордился, в море утопился» – вспомнилась прибаутка, вычитанная давным-давно в одном из файлов библиотеки.

Хотел бы я увидеть небо и море. Особенно море. На архивных записях оно казалось мне невероятно величественным, но интуиция подсказывала, что никакая виртуальная запись не может передать его мощь в полной мере...

Висевшие на стене часы пропищали два раза, вырвав меня из раздумий. Я встал с постели, надел чёрную мантию и расчесал перед зеркалом длинные волосы, падавшие на плечи.

Время близилось к девяти.

Пора отправляться на проповедь.

По коридорам «Ермака» я обычно ходил босиком. Пластиковые полы были теплы на ощупь от работавших в нижних отсеках механизмов жизнеобеспечения. Гуляя на босу ногу, я иногда прикрывал глаза и представлял, будто иду по земному пляжу – желтой мелкой породе, которую люди древности называли песком. Может и до сих пор называют. Кто знает, что у них там творится? Связь с Землёй оборвалась ещё за сотню лет до моего рождения. Последняя запись гласила о новом типе реактора антиматерии, построенном где-то на Южном полюсе, и на этом известная история материнской цивилизации кончалась.

– Здравствуйте, – сказал я, заходя в лекционный зал. – Садитесь, пожалуйста, не стойте.

Десятки рабочих: инженеров, механиков, биологов чуть склонили головы, а затем послушно уселись за крохотные пластиковые столики. Достали планшеты с электронными перьями и уставились на экран.

– Тема сегодняшнего занятия: мифология западноевропейских народов. Поговорим о культуре наших братьев по материку...

Заметив пару нахмуренных лиц, я усмехнулся и напомнил всем, что такое «Европа», «Запад» и «материк». Затем, держа в руках лазерную указку, начал неторопливо ходить вдоль экрана и рассказывать о том, какие культурные пласты лежали в основе цивилизации, подаривших нам Шекспира, Вольтера, Диккенса, Конана-Дойла и прочих великих творцов, о которых люди, сидевшие в зале, вряд ли когда-то слышали. Паства ловила каждое моё слово. Спасибо Крестову, научившему излагать мысли красиво. Благодаря его урокам, я без труда мог сплести узором даже самые невероятные и диковинные образы. Я дарил людям возможность представлять вещи, которых никогда не было на корабле. И даже те, которые не существовали вовсе. Рассказывал о германских мифах, сравнивая Мидгард с жилыми зонами ковчега, Хельхейм с движущимися реакторами антиматерии, а Океан с планктонной фермой, которая производила на «Ермаке» кислород. Рассказывал об испанских кострах святого Иоанна Крестителя, проводя параллели с праздниками всеобщей дружбы на корабле. Говорил о сказочных «кругах ведьм», заходя в которые путешественники по преданиям теряли ощущение времени и возвращались к постаревшим родственникам спустя сотни лет. Эти «круги» я сравнивал с червоточинами Морриса-Торна, которые в теории позволяли перемещаться в пространстве-времени со сверхсветовой скоростью.

Я рассказывал людям про дождь. Говорил, что это похоже на включенный душ, только на всём корабле сразу.

В конце занятия, решил немного расслабить головы прихожан. Поэзия для этого подходила как нельзя лучше, и поэтому, поразмыслив немного, я прочитал первое пришедшее на память стихотворение Северянина:

Она, с кем четверть странствия земного

*Так ли, иначе протекла,
Она меня оставила без крова
И на бездомность обрекла.
В совместно нами выстроенном доме,
В его прохладной теплоте,
Уже никто не обитает, кроме
Двух душ, забытых в пустоте...*

Слушатели сдержанно захлопали. Заулыбались. Неизвестно только чему именно – стихотворению или тому, что проповедь наконец-то закончилась.

Дождавшись, пока все удалятся из лекционного зала, я вышел в коридор и уже было направился в библиотеку, как вдруг часы на моём запястье завибрировали.

Вызывал капитан.

– Да, пап, – сказал я, выведя сигнал на встроенный в ухо приёмник. – Что случилось?

– Зайди в рубку. Срочно, – сказал он и тут же оборвал связь.

Хмыкнув, я остановился. Постучал пальцами по алюминиевой обшивке стены. Затем пожал плечами и направился к лифту.

В рубке, как обычно, всё светило фиолетовым сиянием. Через огромные окна-экраны виднелись звёзды – синевато-пурпурные, далёкие, смазанные. Помещение рубки, сплошь состоящее из приборных панелей, пищало, трещало, гудело и переливалось разноцветными огоньками.

В дальнем углу стоял Трон. Металлическая биокамера, напоминающая капсулу для анабиоза на манер тех, что по легендам были установлены на «Армстронге». Глянув на Трон, я почувствовал, как внутри всё затрепетало от предвкушения.

«Придёт час, – подумал я, рассматривая серебристые стенки, – и я окажусь внутри. Каких-то шестнадцать лет... Жалкие полтора десятилетия с хвостиком. И я позволю кораблю напиться моей крови. Крови Михаила-Творца, чьи гены покоятся во мне и ждут момента, чтобы открыть двери ковчега. Однажды это случится. И мы наконец ступим на землю спустя столько лет».

– Привет, Нил, – раздался бойкий голос Рыбакова, который сидел за длинным капитанским столом. – Падай. Разговор есть.

Я прошел к центру рубки и уселся на крохотный, но очень удобный стульчик, сделанный, как и вся мебель на корабле, из ультралегкого пластика.

Кроме инженера, за столом сидел его брат Пётр, отвечавший на «Ермаке» за систему внутренней безопасности. В отличие от вечноулыбающегося Андрея, Пётр был постоянно задумчив и никогда не говорил лишнего.

– Где отец? – спросил я, осмотревшись.

– Скоро будет, – ответил Андрей, и тут же принялся меня пытаться: – Рассказывай, как оно, Нил? Девчонку присмотрел? Жениться уж скоро пора.

Рыбаков оттопырил безымянный палец, на котором белело пластмассовое кольцо, и хитро подмигнул. Я чуть улыбнулся. Отвёл взгляд.

– Рано ещё. Учиться надо. И учить.

– Пфф, – усмехнулся Андрей, – Ты голову-то иногда разгружай. Я тебе как физик с двадцатилетним стажем говорю. Движок закипит – с ума сойдёшь.

– Тихо, – подал голос его брат. – Идёт.

Двери лифта открылись. Мы втроём синхронно встали, поприветствовав Иосифа. Тот был одет в белый облегающий костюм с золотыми погонами. В руках нёс электронный планшет.

Брови отчима были нахмурены, а губы под пышными чёрными усами плотно сжаты. Видимо, разговор предстоял не очень приятный.

– Привет, Нил, – скупо кивнул он, и тут же перешёл к делу: – Садитесь. Будем решать... Мы уселись.

– В общем, Нил, все остальные уже в курсе, осталось просветить лишь тебя как члена малого совета. У нас тут интересный момент на мониторах. Крайне интересный.

Я воодушевился.

– «Армстронг»?

Отчим быстро разрушил мои надежды, отрицательно дернув головой.

– Нет. Кое-что любопытнее. Взгляни.

Он нажал на кнопку планшета, и над столом высветилась бледно-голубая голограмма звёздной карты. Проведя пальцами по воздуху, капитан изменил масштаб и сфокусировал карту на белой точке, помеченной буквой «Е». Красной отметки не наблюдалось даже рядом. Зато было кое-что новое.

– Что это такое? – спросил я, ткнув пальцем в крохотную мерцающую точку, которая медленно двигалась в направлении «Ермака» со стороны Орума. – Метеорит?

– Нет, – хмуро произнёс Пётр. – Антропогенный объект.

Я непонимающе посмотрел на него. Затем перевел взгляд на Андрея. Тот пояснил:

– Соседи наши мусорят. Это хреновина – деталь «Армстронга». И она летит с бешеной скоростью.

– В нас?

– Нет, не в нас. Рядом. Относительно рядом.

– Короче, – перебил отчим, поведя усами. – «Первые» сбросили лишнюю массу. И замедлили торможение.

Несколько секунд я обдумывал услышанное. Новость звучала крайне удручающе.

– Но даже это не самое главное, – продолжил капитан и ткнул пальцем в точку. – Присмотри к сигналу.

Я наклонился чуть ближе к столу, стал вглядываться в мерцание. Наконец, до меня дошло. Три коротких вспышки. Три длинных. Три коротких. И снова.

– Сигнал бедствия?

Андрей и отчим синхронно кивнули. Пётр промолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.